

Посвящается J. R. G.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен Мэри Роско, которая неустанно трудилась, печатая эту рукопись, и все-таки нашла время предложить по ходу дела множество обоснованных правок; и Дэвиду Т. Каннингему, который напечатал несколько дополнений, случившихся позже. Из читателей, чьи энтузиазм и озарения были ценны, должен сказать спасибо Джули Блейк, Джону Грегсону и Вернону Конвею. Я также признателен Дугласу Беннету, устроившему для меня незабываемый тур по тюрьмам, и Аласдеру Кэмерону, заказавшему две пьесы, тем самым позволив мне пополнить запас спагетти, пока я работал над книгой. И, наконец — упоминание в финале никоим образом не отражает ценность вклада — спасибо Барбаре Бут и Нэнн дю Сутуа из «Sphere Books».

И только смерть, изменчивость и случай
Останутся последнею границей...

*П. Б. Шелли.
Освобожденный Прометей¹*

¹ Перевод К. Бальмонта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

TERRA

INCOGNITA

Ад — обителище для тех, кто отрицает.
Они пожнут плоды того, что посадили
У Озера Пространств, и в Чаше Пустоты —
Скитаются и бродят души там и никогда
не прекратят
Оплакивать свое существованье.

У. Б. Йейтс. Песочные часы¹

¹ Перевод Г. Мельнищера.

I

Воздух был наэлектризован в тот день, когда вор пересек город, уверенный, что сегодня вечером, после стольких бестолковых недель, он наконец отыщет картежника. Путешествие оказалось не из легких: восемьдесят пять процентов Варшавы сровняли с землей либо в ходе многомесячных минометных обстрелов, предшествовавших освобождению города русскими, либо в результате программы сноса, которую нацисты затеяли перед отступлением. Несколько городских секторов стали практически непроходимы для транспорта. Горы щебня — по-прежнему лелеющие мертвых, как луковицы, готовые прорасти, когда по весне станет теплее, — преграждали улицы. Даже в более доступных районах некогда элегантные фасады опасно накренились, а их фундаменты издавали рокочущие звуки.

Но вор занимался здесь своим ремеслом уже почти три месяца и привык ориентироваться в одичалом городе. Он даже наслаждался унылым великолепием: панорамами, окрашенными в сиреневый цвет пылью, которая все еще оседала из стратосферы; площадями и аллеями, погруженными в неестественную тишину; ощущением, что так и будет выглядеть конец света, возникавшим у него, когда он сюда вторгался. Иногда днем попадались уцелевшие ориентиры — одинокие

указатели, которые со временем демонтируют,— позволяющие страннику наметить маршрут. Газоперерабатывающий завод рядом с мостом Понятовского был узнаваем, как и зоопарк на другом берегу реки; часовая башня Центрального вокзала демонстрировала верхушку, хотя часы давно исчезли. Эти и несколько других испещренных оспинами останков городской красоты Варшавы уцелели, их трепетное присутствие даже у вора вызывало чувство горечи.

Это не его дом — дома у него нет лет десять. Он был кочевником и питался падалью, а Варшава на короткое время предоставила ему достаточно добычи, чтобы здесь задержаться. Скоро, когда он восстановит силы, истощенные в недавних странствиях, придет пора двигаться дальше. Но сейчас в воздухе витают первые признаки весны, и он не спешит покидать эти места, наслаждаясь городской свободой.

Конечно, опасности существуют, но где их нет для человека его профессии? Военные годы отшлифовали его инстинкт самосохранения до такой степени, что он почти ничего не боялся. Здесь он был в большей безопасности, чем истинные жители Варшавы — те немногие, сбитые с толку и выжившие после бойни, которые тонкими струйками начали просачиваться обратно в город, ища утраченные дома и исчезнувшие лица. Они копались в руинах или стояли на пересечении улиц, слушая погребальную песнь реки, и ждали, когда русские скрутят их во имя Карла Маркса. Каждый день строились новые баррикады. Военные медленно, но методично восстанавливали некоторый порядок в этом хаосе, разделяя и подразделяя город, что со временем предстояло пережить и всей стране. Однако комендантский час и контроль-

но-пропускные пункты едва ли могли стать преградой для вора. В подкладке своего хорошо сшитого пальто он хранил всевозможные удостоверения личности — некоторые поддельные, большинство украденные, — для любой ситуации находилось подходящее. Недостаточную надежность бумаг он восполнял островами и сигаретами, которыми располагал в изобилии. Они были всем, что требовалось человеку — в этом городе, в этом году, — чтобы чувствовать себя владыкой всего сущего.

И какого сущего! Здесь ни одна склонность или причуда не остались бы неудовлетворенными. Глубочайшие тайны тела и духа были доступны каждому, кто жаждал таковые узреть. Их превращали в игры. Только на прошлой неделе вор слышал рассказ о молодом человеке, затеявшем древнюю игру в наперстки (вот шарик есть, а вот — его нет), но с остроумием безумца воспользовавшимся тремя ведрами и головой ребенка.

Но это еще ладно: ребенок умер, а мертвые не страдают. В городе были и другие развлечения за деньги — наслаждения, сырьем для которых становились живые. Для тех, кто жаждал и платил за вход, началась торговля человеческой плотью. Оккупационная армия, больше не отвлекаясь на сражения, заново открыла для себя секс, и это оказалось выгодно. За полбуханки хлеба можно было купить одну из девушек-беженок — многие были такими юными, что потискать нечего, — воспользоваться ею снова и снова под прикрытием темноты, не обращая внимания на протесты, а то и заглушив их штыком, когда занятие утратит прелесть. На такие небрежные убийства смотрели сквозь пальцы в городе, где погибли десятки тысяч. На несколько недель — между одним режимом и другим — все сделалось возможным:

ни один проступок не удостоивался наказания, ни одна разновидность порока не была табуирована.

В Золибоже открылся бордель с мальчишками. Здесь, в подпольном салоне, увешанном добытыми в руинах картинами, можно было выбрать любого из птенчиков шести-семи лет от роду, соблазнительно исхудалых от недоедания и с тугими попками, на радость ценителя. Местечко было очень популярно среди офицеров, но вор слышал ропот: дескать, для младших чинов дорого-вато. Ленинские принципы равных возможностей для всех, похоже, педерастию не затрагивали.

Определенные виды спорта были дешевле. Собачьи бои пользовались особым успехом в этом сезоне. Бездомных псов, которые вернулись в город, чтобы пожрать мясо своих хозяев, отлавливали, выкармливали до бойцовской мощи и стравливали насмерть. Зрелище было жуткое, но любовь к ставкам вынуждала вора снова и снова возвращаться на бои. Однажды вечером он неплохо заработал, поставив на низкорослого, но хитрого терьера, который победил кобеля в три раза крупнее, отгрызя ему яички.

Для тех, кому собаки, мальчики или женщины через некоторое время надоедали, имелись более эзотерические развлечения.

В руинах оплота Пресвятой Девы Марии, отдаленно напоминающих амфитеатр, вор видел, как неизвестный актер в одиночку исполнял «Фауста» Гёте, части первую и вторую. Хотя немецкий язык вора был далек от совершенства, представление произвело на него неизгладимое впечатление. История вполне знакомая, чтобы следить за ходом событий, — договор с Мефистофелем, споры и колдовские фокусы, а затем, с приближением обещанного

проклятия, отчаяние и ужас. Большую часть прений разобрать не удалось, но актер так вошел в обе роли — становился то искусителем, то искушаемым, — что вор покинул представление с взволнованным сердцем.

Через два дня он вернулся, чтобы еще раз посмотреть пьесу или, по крайней мере, поговорить с актером. Но выход на бис не состоялся. Энтузиазм исполнителя относительно Гете был истолкован как нацистская пропаганда: вор, чье радостное предвкушение увяло, обнаружил его повешенным на телеграфном столбе. Актер был голый. Босые ступни обглоданы, глаза выклеваны птицами, торс изрешечен пулями. Зрелище вызвало у вора умиротворение. Он увидел в этом доказательство того, что смятенные чувства, порожденные актером, несли в себе изъян: если искусство довело его до такого состояния, он — явно негодяй и мошенник. Рот актера был разинут, но птицы отняли у него язык, как и глаза. Не велика потеря.

Кроме того, имелись более стоящие забавы. Женщинами вор не особенно увлекался, мальчики были не в его вкусе, а вот азартные игры любил, как и прежде. Так что он возвращался к собачьим боям, желая попытаться со ставкой на какую-нибудь дворнягу. Если не туда, то в одну из казарм, чтобы сыграть в кости или — в отчаянии — заключить пари со скучающим часовым на скорость пролетающего облака. Метод и частности его почти не интересовали: главное — сделать ставку. С юности это был его единственный истинный порок; он стал вором, чтобы добывать средства для потворства своей слабости. До войны он играл в казино по всей Европе, отдавая предпочтение *chemin de fer* — французской версии баккара, хотя не возражал и против рулетки. Теперь он оглядывался на те годы сквозь окутавшую их завесу вой-

ны и вспоминал состязания как сны наяву: что-то невозвратимое и ускользающее с каждым вздохом.

Однако чувство утраты изменилось, когда он услышал о картежнике — Мамуляне, как его называли, — который, по слухам, никогда не проигрывал, появлялся и исчезал в этом обманчивом городе, будто существо, вероятно не являвшееся реальным.

Так или иначе, после Мамуляна все изменилось.

2

Такие ходили слухи, и многие из них не были основаны на истине. Обычные байки скучающих солдат. Вор обнаружил, что военный ум способен на вымысел причудливей любых поэтических измышлений, к тому же он более смертоносный.

Поэтому, услышав историю о великом шулере, появлявшемся ниоткуда и вызывавшем каждого любителя карточной игры на поединок, чтобы его непременно обыграть, вор заподозрил, что этот рассказ — то, чем кажется: байка. Но нежелание этой апокрифической повести исчезать шло вразрез с ожиданиями. Она не померкла, уступив место еще более курьезной небывальщине, а появлялась снова и снова: в пересудах мужчин на собачьих боях, сплетнях и граффити. Более того, хотя имена менялись, главные факты оставались неизменными от рассказа к рассказу. Вор начал подозревать, что в этой истории есть доля правды. Возможно, в городе действовал блестящий игрок. Конечно, он не обладает абсолютной неуязвимостью; таких не бывает. Но этот человек, если он существовал, представлял собой